

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

СТРАТЕГИЯ-2020

Важным “срезом” рационального сознания является способность *предвидеть* состояние и поведение важных для нас систем и окружающей среды.

Способность предвидеть будущее – свойство разумного человека. Прежде чем сделать шаг, человек представляет себе его последствия, строит в сознании образ будущего.

Предвидение позволяет власти *проектировать будущее*. Это – едва ли не важнейшая обязанность государства. В цивилизованном обществе только государство способно координировать усилия огромных масс людей, задавая им общий вектор и критерии успеха. Это соединяет людей в народы и нации, наполняет действия каждого общим смыслом.

Проектирование будущего, определение общего вектора развития и конкретное целеполагание, осуществляемые властью и принимаемые (или отвергаемые) обществом, требуют постановки и осмысления *фундаментальных* вопросов бытия.

Власть формулирует их в форме национальной повестки дня, как череду “перекрестков судьбы”, актуальных исторических выборов, давая и обоснование своего выбора той или иной альтернативы. Снижение качества власти и управления во время реформы выразилось в настойчивом уходе от постановки и осмысления фундаментальных вопросов. Это было неожиданно видеть у образованных людей, наделенных властными полномочиями. Для них как будто и не существовало неясных вопросов, не было никакой возможности поставить их на обсуждение.

Можно даже сказать шире. Современный кризис России замечателен тем, что между властью и обществом как будто заключен негласный договор: не ставить не только фундаментальных, но и вообще трудных вопросов, уже не говоря о том, чтобы отвечать на них. Депутаты не задают таких вопросов правительству, избиратели депутатам, читатели газете и т. д.

Уже М. С. Горбачев принципиально отверг целеполагание как одну из главных функций государства. Он с самого начала заявил: “Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ”.

Никто и не просил у него педантичного ответа, спрашивали об общей цели, о векторе движения страны в *переходный* период. Когда писатель Ю. Бондарев задал разумный вопрос (“Вы подняли самолет в воздух, куда садиться будете?”), его представили чуть ли не фашистом.

Здесь возникает особая проблема, в которую мы углубляться не будем, но обозначим. Отказ от явного целеполагания может быть избран как тактический прием по разным причинам. Первая – желание уйти от ответственности (или смягчить эту ответственность) при провале авантюрной программы достижения вполне позитивной цели. Если авторы программы видят ее де-

фекты, создающие высокий риск провала, то цель не объявляется, а после провала говорится, что “мы этого и хотели” — с идеологическим оправданием того, что реально “получилось”. Если в руках сохраняется контроль над СМИ (и организованной “оппозицией”), то катастрофу всегда можно представить как следствие “тоталитарного прошлого”, “отсталости народа” и пр.

Вторая причина — принятие властью целей, настолько противоречащих интересам подавляющего большинства населения (“страны” как целого), что их было невозможно огласить вплоть до надежного ослабления, подавления или разрушения страны и народа. Иными словами, истинная цель оглашается только после достижения необратимости.

Какая из двух причин является исходной, выяснить в ходе событий трудно. Часто эти причины совмещаются — начав авантюрную программу и заведя страну в тупик, власть может пойти с повинной не к собственному народу, а к правителям геополитического противника и “сдать” страну.

В любом случае уход власти от ясного целеполагания — очень плохой симптом. За ним скрывается фундаментальная угроза для России.

У нас сейчас, говорят, “переходный период”, власть нас ведет куда-то. Первая обязанность ведущего — объяснить людям, куда идем, какое болото у нас на пути, по каким кочкам или мосткам будем переправляться. Однако наша власть молчит. А если говорит, то так, что каждое слово порождает кучу недоуменных вопросов.

Речь власти стала не средством *объяснения* (от слова “ясно”), а средством *сокрытия* целей и планов, если таковые имеются. Недаром при власти кормится целая рать толкователей (“политологов”). Сама власть, как сфинкс, на вопросы не отвечает и в пререкания с обществом не вступает. В самом начале, когда власть стала уходить от фундаментальных вопросов, это выразилось в смешении ранга проблем, о которых идет речь. Причем, как правило, это смешение имело не случайный, а направленный характер — оно толкало сознание к *принижению* ранга, представлению проблем как простого, хорошо освоенного явления, не сопряженного ни с каким риском для страны.

На деле мы раз за разом сталкиваемся с принципиально новыми явлениями, которые требуют ответственного осмысления совместно государством и обществом. Этого нет. Не определив цели движения, власть становится слепой и вместо определения стратегического курса захлебывается в ситуативных решениях.

Это ведет к деформации понятий и нечувствительности даже к очень крупным ошибкам. Например, во время перестройки и в начале реформы власть стала подменять понятие “замедление прироста” (производства, уровня потребления и т. д.) понятиями “спад производства” и “снижение потребления”. На этом основании оправдывали слом всей хозяйственной системы.

В последние годы важной темой политических деклараций стали *программы развития*. Это понятие обозначает процесс созидания новых структур, укрепляющих страну и улучшающих фундаментальные показатели ее бытия. Лейтмотивом служит формула: “Следует принять долгосрочную программу развития...”, — а дальше обозначается какая-то сфера (дороги, судостроение и пр.).

Каждый раз эта вводная фраза противоречит реальности, ибо вслед за ней речь идет о *деградации* или *разрушении* этой сферы или отрасли. Иными словами, ход реальных событий направлен противоположно развитию. Если так, то и цели программы должны соответствовать совсем иному процессу, нежели *развитие*. Какой смысл принимать программу развития, если продолжает действовать механизм разрушения! Прежде надо выполнить программу по остановке и демонтажу этого механизма.

Вот аналогия: в 1941–1945 гг. в нашей стране действовал механизм разрушения нашего хозяйства — нашествие фашизма. И приоритетной была программа по уничтожению этого механизма — “Всё для фронта, всё для победы!” Эта цель была всем понятна, и потому “долгосрочная программа развития”, начатая сразу *после* победы, сплотила общество не меньше, чем война, и была замечательно эффективной.

Более того, программа развития и вырастает только из программы борьбы против сил разрушения. Но власть не говорит этой очевидной вещи — и нет веры в эти программы. Вдумаемся в слова В. В. Путина: “Я уже несколько лет говорю о необходимости развития морских портов. В то же время, ситуация

практически не улучшается...”. Руководитель страны жалуется на исполнителей – что с ними можно поделаться?

И так по всему кругу вопросов. “Существенным фактором... должно стать развитие речных перевозок”. Какое развитие! Развитие было с 1970-го по 1990 г. – объем речных перевозок вырос тогда в три раза. А за 90-е годы произошел спад в 6 раз, и никакого подъема не наблюдается. Но ведь созданный в 90-е годы механизм по уничтожению водного транспорта никуда не делся! Его надо демонтировать, чтобы стало можно вновь *развить* речной транспорт. Именно этой цели и этой программы общество ждет от государства, но о ней нет и речи.

Такая же нечувствительность наблюдается в отношении процессов, идущих в социальной сфере. В одном из выступлений Владимира Владимировича сказано: “Разрыв между доходами граждан **ещё** недопустимо большой” [выделено мной. – Авт.].

Слово “ещё” искажает реальность. Оно соответствует процессу *сокращения* разрыва между доходами, а направление реального процесса противоположно. В действительности после 2000 года этот разрыв *увеличивается*, а не уменьшается. Если Путин хотел дать верную картину динамики распределения доходов в России, то фраза должна была бы звучать примерно так: “Разрыв между доходами граждан **уже** недопустимо большой, но **ещё** не достиг показателей Конго”.

Так же и с характеристикой социального положения пенсионеров. Вчитаемся: “В тяжелые годы реформ многие, а если сказать по-честному – подавляющее большинство – пенсионеров фактически оказались за чертой бедности... Мы не вправе повторять ошибок прошлого и должны предпринять все усилия для гарантии достойной жизни пенсионеров в будущем”.

Мы не вправе повторять ошибок прошлого – но почему же мы этих ошибок **не называем!** Раз не называем, значит, никаких гарантий от повторения подобных ошибок старикам не даем.

Неверные определения вектору процессов давались и во время обострения кризиса. В разгар кризиса В. В. Путин заявил на заседании Совета ЕврАзЭС (12 декабря 2008 года): “В последнее время мы, конечно, сталкиваемся с замедлением роста объемов экономики”. Но на деле *речь шла не о замедлении роста, а о спаде, о сокращении* объемов производства. Это противоположно направленный вектор! В ряде важнейших отраслей спад уже был катастрофическим. Так, в ноябре 2008 г. производство минеральных удобрений составило 48,4% по отношению к ноябрю 2007 г., а производство грузовых автомобилей 41,9%.

Разрушение методологической базы экономической политики быстро шло уже во время перестройки – сейчас страшно читать даже академические труды “ведущих экономистов” того времени. Это бессвязная мешанина марксистских и неоллиберальных понятий с отходом от элементарных норм логики и последовательности шагов в рассуждениях.

Но ведь с тех пор существенных изменений в методологическом оснащении не произошло! Следуя такому подходу, Россия и не может обрести эффективное управление, качество решений будет заведомо низким, поскольку в этой сложной деятельности необходимо применение целого арсенала инструментов, которые были испорчены или ликвидированы в 90-е годы. Этот арсенал надо восстановить и модернизировать, но об этом и речи нет.

Такая неопределенность *целей, средств, индикаторов и критериев* продолжает быть присущей всем изменениям, которые власть пытается внести в хозяйственную или социальную сферу. Это движение без компаса и карты грозит России многими бедрами.

Так, власть несколько раз ставила вопрос о “переходе России на путь инновационного развития”. Политики говорили о проблеме колоссального масштаба – смене “пути развития” страны, но говорили походя, не додумав ни одного тезиса. Целеполагающее слово потеряло смысл!

Сегодня инновационное развитие вместо сырьевого – императив для России, узкий коридор, чтобы вылезти из болота кризиса. Но этот тип развития и нынешняя хозяйственная система – вещи несовместные. Сейчас даже вообразить невозможно в России кабинета, где бы ежедневно собирались два десятка “генералов хозяйства”, которые готовили бы планы операций по такому “переходу”. Проблема обсуждается на уровне афоризмов и “импровизаций на тему”.

Подумайте: в 2009 г. вузы России выпустили 25 тыс. специалистов по всем естественнонаучным и физико-математическим специальностям и 790 тыс. специалистов по гуманитарно-социальным специальностям, экономике и управлению. Тонкий слой потенциальных молодых ученых (часть которых к тому же изымается западными вербовщиками) просто поглощен морем “офисной интеллигенции”. Какое тут может быть инновационное развитие! Дух творчества, новаторства и напряженного беззаветного труда убивается самим воздухом наших мегаполисов и супермаркетов. Россия – страна гламура...

Большую тревогу вызывает общая установка, что Россия якобы уже преодолела кризис и находится на пути к процветанию. Из этого следует, что никаких стратегических решений принимать нет необходимости – все идет хорошо. Сказано: “Россия полностью преодолела длительный спад производства”.

Встает вопрос: какими показателями пользуется власть? Или власть не может называть вещи своими именами и ставить задачи, соизмеримые размеру этих вещей? Если верить Росстату, объем промышленного производства в России к 2007 году лишь на 3% превысил уровень 1980 года. В дореформенном 1990 году промышленное производство было почти на треть больше, и нам еще очень далеко до того, чтобы этот спад преодолеть, мы пока лишь слегка оживили старые парализованные мощности. А производство машиностроения в 1990 г. было на 46%, то есть почти в полтора раза больше, чем в 2006 году. А в 2008 году – новый кризис. С сельским хозяйством дело еще хуже – нам еще далеко до уровня 1980 года, и мы к нему приближаемся медленно, ежегодные приросты малы. Провал колоссальный, ряд отраслей почти утрачен. Нужна мобилизационная *восстановительная* программа – но способна ли верховная власть ее предложить?

К чему мы пришли, показывает очередная инициатива Правительства – “Стратегия-2020”. Кратко рассмотрим положения этого документа, претендующего задать основные цели на предстоящее десятилетие.

Доклад “Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика” был опубликован в августе 2011 года. Он подготовлен большой группой экспертов под руководством ректора Высшей школы экономики Я. Кузьминова и ректора Академии народного хозяйства и государственной службы В. Мау. Эти две организации – “мозговые центры” реформы, которая ведется в России с 1992 г. Здесь формулируются принципы большей части конкретных программ в разных частях хозяйства и социальной сферы.

Этот доклад, который готовился по поручению В. В. Путина как стратегическая программа для выборов, заслуживает того, чтобы граждане вникли в его главные установки и обсудили между собой. На мой взгляд, этот документ – единственный в своем роде за все время реформ. Впервые разработчики ее стратегических программ изъясняются столь откровенно. Даже оторопь берет.

Доклад большой, его надо читать и перечитывать. Ведь его установки будут влиять на политику и внедряться в практику. Нас редко посвящают в планы сильного мира сего, так надо пользоваться случаем. В этом Докладе поражает какое-то дерзкое, хладнокровное презрение к истине и тоталитаризм мышления. Не поймешь, то ли мы уже впрямь живем как на разных планетах, то ли им такой странный имидж политехнологов придумали. В начале 90-х годов, когда люди были контужены перестройкой, такие вещи проходили, не до них было. Но теперь, через двадцать лет реформ, подобные доклады странно читать.

Большие цитаты из доклада взяты в кавычки и выделены курсивом.

Прежде всего, доклад так представляет ситуацию в России:

– “Цели социально-экономического развития и его условия выглядят совсем иначе, чем они выглядели после предыдущего кризиса 1998 года. Тогда перед страной стояла задача: в экономическом плане – выхода из трансформационного спада, а в социальном – преодоления бедности, которой было охвачено более трети населения страны. Теперь задача в выходе на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества”.

Это ложная трактовка. Ни проблема “выхода из трансформационного спада”, ни проблема “преодоления бедности” вовсе не решены после 2000 года. Эти проблемы только сейчас и встают в полный рост – когда запасы совет-

ских ресурсов подходят к концу. Показатели годового ВВП — мелочь по сравнению с износом основных фондов и культуры, здоровья и квалификации населения и пр. Доклад исходит из ложных понятий, индикаторов и критериев.

Говорится: *“В 2000-е годы российская экономика продемонстрировала впечатляющие успехи. Динамичный экономический рост 2000-х годов...”*. Это фундаментальная ошибка или сознательная демагогия*. В 2000-е гг. не было никаких “впечатляющих успехов” и “роста экономики”. Было лишь оживление омертвленных в 90-е годы производственных мощностей. Авторы доклада путают разные категории: “поток” (например, годовой объем производства или даже годовой ВВП) и “основные фонды” (база экономики, производственные мощности, кадровый потенциал). Экономический рост — это рост **базы**, а тут пока преобладают процессы деградации.

Рост экономики определяется динамикой инвестиций в основные фонды, а эти инвестиции только в 2007 г. достигли уровня 1975 года, а в 2009 г. опять упали ниже этого уровня. Вряд ли и до 2020 года они выйдут на уровень 1990 года. Чтобы преодолеть “трансформационный спад”, надо хотя бы вернуть в народное хозяйство изъятые из воспроизводства основных фондов инвестиции, хотя бы стабилизированные на уровне 1990 года (а это более 3 триллионов долларов).

К тому же авторы не сообщают, что даже “поток” (рост объема производства) в 2000-е гг. был более медленным, нежели в 1980–1990 г. — а ведь тогда реформаторы требовали сломать всю экономическую систему из-за “медленного роста”.

Россия в докладе постоянно сравнивается с Китаем, Бразилией и Индией, вместе с которыми она якобы готова к “переходу в постиндустриальное общество”, но это — ложное сравнение. Те страны завершают двадцатилетний период **индустриализации**, а Россия завершает двадцатилетний период **деиндустриализации**. Оба процесса инерционны, и еще два десятилетия эта инерция будет гнать упомянутые страны по их траектории. Никакого подобия с Китаем нынешняя Россия не имеет, и ее задачи на 10 лет совсем иные.

— *“Новая модель роста предполагает ориентацию на **постиндустриальную экономику** — экономику завтрашнего дня. В ее основе сервисные отрасли, ориентированные на развитие человеческого капитала: образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн, “экономика впечатлений” и т. д.”*.

Это совершенно ложная, демагогическая цель, утверждение просто лишено смысла. Известна формула: **“Постиндустриальная экономика — это гипериндустриальная экономика”**. Структуры постиндустриального производства базируются на мощной промышленной основе, прежде всего, на машиностроении и производстве материалов нового поколения, на технологиях с высокой интенсивностью потоков энергии (в том числе новых видов), а вовсе не на “экономике впечатлений” и фантазиях дизайнера с карандашиком в руке. Прежде чем России переориентировать свое хозяйство на “сервисные отрасли, медиа и дизайн”, она должна восстановить свою промышленность, подорванную проведенной в 90-е годы **деиндустриализацией**. А ведь восстановительная программа еще и не начиналась!

В докладе поставлена странная цель:

— *“Переход от экономики спроса к экономике предложения”*.

“Экономика предложения” — это благозвучная замена ставшего одиозным термина “общества потребления”. Нет никаких оснований заменять в бедствующей России “экономику спроса” на “экономику предложения”. Страна еще не пресытилась жизненно важными благами, чтобы бросить ресурс на изобретение и производство интригующих новшеств. Эти необычные “предложения” элита и так купит себе за границей. В России именно базовый массовый спрос обеспечивает более сильные мотивы к инновации и развитию, нежели изощренное предложение в пресыщенном обществе потребления.

Далее говорится, что *“переход к экономике предложения невозможен без роста внутренней конкуренции... Только высокий уровень конкуренции может создать реальный спрос на инновации”*. Это неверно ни логически, ни истори-

* Вообще, в докладе концы с концами не вяжутся. Утверждается, что “российская экономика продемонстрировала впечатляющие успехи”, и тут же сообщается: “В целом динамика структуры занятости отражает неблагоприятные тенденции в российской экономике: отсутствие движения в направлении модернизации и недостаточный рост эффективности производства”.

чески, представления доклада о движущих силах развития очень ограничены и предвзяты. Подъем инновационной активности, как правило, наблюдается именно на стадии выхода из кризиса в обществе, переживающем массовое чувство солидарности (пример – СССР 30–50-х гг., США после Великой депрессии, Япония после Второй мировой войны).

В современном российском обществе, которому требуется консолидация для преодоления разрухи, более эффективные формы хозяйства складываются на основе кооперации и взаимопомощи, нежели внутренней конкуренции. Конкуренция – эффективный механизм, который преследует иные цели, и представление о ней у авторов доклада мифологизировано.

Авторы мыслят в терминах классового подхода. Но они не говорят о той классовой структуре общности трудящихся, которая, по их прогнозам, станет к 2020 году коллективным субъектом “новой, постиндустриальной экономики России”. Они создают утопический, совершенно нежизненный образ “класса креативных профессионалов”, который и станет локомотивом прогресса. Средством срочного создания креативного класса должны служить деньги, “конкурентоспособная (?) оплата труда”.

Вот что говорится в докладе:

– “Необходимый вклад государства в формирование класса креативных профессионалов – **конкурентоспособная оплата труда в бюджетном секторе**. Надо довести до конца движение к “эффективному контракту”, начавшееся в 2004–2010 гг. с государственных служащих и распространившееся в 2011 г. на школьных учителей. Задача 2012–2016 гг. – эффективный контракт с врачами, преподавателями вузов, работниками культуры”.

О чем это? Какой “эффективный контракт” распространился на школьных учителей? При чем здесь “класс креативных профессионалов”? По таким стратегическим программам будет жить Россия?

В докладе говорится:

– “Ключевой особенностью новой социальной политики является **опора на самодеятельность профессиональных сообществ**. Сообщества профессионалов творческого труда – инженеров, ученых, учителей, врачей, юристов – выступают гарантом качества социальных и государственных услуг, профессионального уровня производства в самых разных отраслях экономики”.

Каков смысл этих туманных выражений? Как “опора на самодеятельность” может быть “ключевой особенностью новой социальной политики”, которая должна перевернуть Россию? Что такое “самодеятельность юристов”? Вчитайтесь, ведь это бессмыслица!

Если уж говорить всерьез, то профессиональные сообщества РФ как раз рассыпаны реформой. Эти сообщества переживают дезинтеграцию, разрушены их когнитивные матрицы и системы социальных норм. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС устранила последние сомнения. Задача государства и общества – восстановить нормативные системы профессиональных сообществ, вернуть им самоуважение и общественный престиж, социальный статус и механизм воспроизводства и государственной аттестации. А то по всем станциям метро расклеены объявления, а в газетах (например, в “Московском комсомольце” или “Из рук в руки”) можно прочесть объявления такого типа: “Кандидатские и докторские диссертации для занятых. Недорого. Быстро”.

Что же касается действительно важных положений социальной политики, то вот несколько рекомендаций доклада:

– “Принципиальным условием политики, нацеленной на обеспечение условий устойчивого экономического роста, является отказ от попыток регулирования рынка труда (в частности, с помощью формальных и неформальных препятствий сокращению занятости)”.

Это даже не требует комментариев. Предлагается дикий капитализм превратить в людоедский. При этом постоянно проталкивается принятая в неизвестном теневом синклите установка на “замещающую этническую миграцию”, на завоз в Россию больших масс иммигрантов – при огромной безработице местного населения почти на всей территории страны. В докладе присутствует такой императив:

– “**Политика повышения иммиграционной привлекательности России, политика привлечения высококвалифицированной и низкоквалифицированной иностранной рабочей силы... необходима разработка долговремен-**

ной стратегии, направленной на превращение России в страну, комфортную для иммиграции”.

Если вспомнить приведенное чуть выше требование “отказа от попыток регулирования рынка труда (в частности с помощью формальных и неформальных препятствий сокращению занятости)”, то ясно, какая “новая социальная политика” закладывается в “Стратегию-2020”. Своих граждан станут без “формальных и неформальных препятствий” увольнять, а вместо них завозить покладистую и дешевую “иностранную рабочую силу”.

И ведь все эти целевые установки не вызвали ни слова критики или сомнения ни в Правительстве, ни у Президента, ни в Госдуме. Во всяком случае, слов критики не было слышно.

Нож точат также на работников бюджетной сферы и на пенсионеров – тут готовятся меры радикальные:

– “Предложение: сократить численность госслужащих к 2020 году до уровня 2000 года, т. е. примерно на 30%. До 50% полученной экономии средств можно направить на увеличение оплаты труда оставшихся сотрудников...”

Реформированию пенсионной системы нет альтернативы... Реформирование пенсионной системы позволит сэкономить к 2020 году от 0,69% ВВП до 1,22% ВВП... Предложенные меры по реформированию пенсионной системы носят принципиально комплексный характер: повышение требований к минимальному стажу с 5 до 15 или до 20 лет; более или менее быстрое повышение пенсионного возраста до 63 лет для обоих полов”.

И это называется “стратегия”! Никаких определений цели, никаких альтернатив и прогнозов последствий, никакого поиска индикаторов, критериев, оптимальных соотношений. Стиль Хлестакова.

И так, какую сферу ни возьмешь – хоть ЖКХ, хоть образование или транспорт. Вот пишут о системе образования:

– “Риски для стабильности системы образования и шире – социальной стабильности – заключаются в том, что **содержание и объем социальных обязательств государства в сфере образования недостаточно конкретизированы... Образование перестает выполнять функцию социального лифта, начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию**”.

Зачем наводить тень на плетень! Вот главный источник риска для социальной стабильности – **образование начинает воспроизводить и закреплять социальную дифференциацию**. “Недостаточная конкретизация обязательств государства” никакого отношения в проблеме не имеет, само это понятие определенного смысла не имеет. Риски возникли в результате смены вектора социальной политики и критериев справедливости.

Поскольку главной стратегической идеей доклада является переход России к постиндустриальной экономике, большое место в нем отведено науке. Этот раздел полон принципиально ошибочных суждений, показывающих тривиальную неосведомленность авторов о характере научной деятельности. Они пишут:

– “В 2015–2020 гг. акцент рекомендуется перенести на опережающее развитие конкурентоспособных на мировой арене направлений фундаментальных и поисковых исследований, современных форм организации ИР, инфраструктуры науки на прорывных направлениях”.

“Конкурентоспособные” научные направления – термин негодный, но не будем цепляться. Главное, что “успешные” научные направления – это не изюм, который можно выковыривать из булки. Как только они утратят поддержку “заурядных” направлений, вместе с которыми они только и могут существовать, от их “конкурентоспособности” не останется и следа. Такая нечувствительность к сути систем в XXI веке просто поразительна.

Вот еще более фантастическая сентенция:

– “**Отечественная наука продолжает функционировать в рамках традиционной (индустриальной) модели, не отвечающей современным реалиям и характеризующейся доминированием самостоятельных научных организаций, обособленных от вузов и предприятий. На них приходится свыше 80% затрат на науку, тогда как в рыночных экономиках костяк НИС – компании и университеты. Почти 3/4 организаций, выполняющих исследования и разработки (ИР), находится в собственности государства**”.

Что значит “отечественная наука не отвечает современным реалиям”? Чьим реалиям – США или Китая? Отечественная наука России соответствует именно отечественным реалиям. Разве может быть иначе? Пусть бы авторы

доклада объяснили, почему наша наука должна “функционировать не в рамках традиционной (индустриальной) модели”, если отечественная экономика является именно индустриальной, причем в состоянии деградации? Как это было бы возможно? И что станет с 3/4 организаций, если государство вдруг от них откажется? Стратеги предлагают их ликвидировать?

В докладе так сказано о состоянии важного элемента инновационной системы: *“Быстрая деградация фундаментальной науки, выступающей драйвером профессионального образования...”*.

Пусть фундаментальную науку России назовут драйвером (хотя странное словечко подыскали), но ведь в стратегическом докладе невозможно уйти от вопроса, почему же в России происходит “быстрая деградация фундаментальной науки”. Без выяснения причин такого поистине катастрофического процесса, без описания того механизма, который его воспроизводит уже 20 лет, главные рекомендации доклада теряют смысл.

Сами же авторы похода делают замечание, без объяснения которого все рассуждения об инновационной экономике ничего не стоят: *“Несмотря на то, что поддержка науки из средств федерального бюджета в 1998–2009 гг. выросла четырехкратно... это не сказывается на динамике ее результативности в части прикладных и фундаментальных исследований”*.

Удивительно, что сами же авторы высказывают важное положение, которое опровергает практически все их стратегические инновации:

– *“Активное и масштабное разворачивание институциональных реформ в последние годы натолкнулось на ограничения системы, не готовой воспринять и “переварить” многие новые нормы”*.

Как же вы собираетесь *продавить* свою стратегию, если система не готова воспринять предлагаемые вами новые институциональные нормы? Ведь ограничения – это те рамки, которые и определяют для реформатора *поле возможного*. Ваша стратегия вся стоит на утопии нарушения ограничений – и никаких предложений о том, как такое противоречие можно было бы разрешить. Как будто забыли самые элементарные правила.

Кроме методологических вопросов рассмотрим маленький сюжет – стратегию улучшения пассажирского транспорта в России. В современном виде эта система сложилась в послевоенный период – была создана промышленность транспортных средств, начато большое строительство дорог – за 1981–1990 гг. в СССР построено 278 тыс. км автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием. Вводились в действие трамвайные и троллейбусные пути, метрополитены в городах-миллионниках, сеть местных аэропортов. Подвижность населения быстро росла, тарифы были доступны, и с 60-х годов даже самолет стал обыденным средством передвижения на большие расстояния.

В целом **пассажирооборот** транспорта (произведение числа отправленных пассажиров на дальность поездки) быстро возрастал, в 1988 г. уровень 1940 года был превышен более чем в 10 раз. В 1960 г. один человек из населения СССР в среднем совершил 122 поездки на общественном транспорте, а в 1988 году 288 поездок.

В 1991 г. ликвидировали СССР и его социальную систему – началась реформа, которая стала быстро отрезать от транспортных услуг один слой населения за другим. Большинство лишилось доступа сначала к самолету, потом и поезд стал многим не по карману. Богатые и зажиточные пересели на автомобиль, но, поскольку дороги перестали строить и даже ремонтировать, они, можно сказать, надолго застряли в пробках. Рост подвижности населения был резко остановлен, а у большинства она снизилась.

В “Стратегии-2020” признается: “Население России распадается по фактору мобильности на полярные кластеры: высокомобильный (подвижность 15% населения приближается к американским стандартам) и маломобильный. **Подвижность основной части населения находится на уровне эпохи гужевого транспорта**. К числу регулярных пользователей авиалиний относится не более 2–3% населения”.

Как же объясняют наши рыночные стратеги такой откат в ранний феодализм? Вот их трактовка: *“На ряде территорий (как правило, рудиментах искусственной (социалистической) системы расселения и размещения производственных мощностей) происходит объективно обусловленный процесс сжатия пространства, обслуживаемого массовыми видами транспорта – железнодорожным, авиационным, речным, автобусным*.

Повсеместно в стране идут динамичные процессы развития частного автомобильного транспорта и автомобилизации населения, которые обеспечили транспортную самодостаточность значительной части домохозяйств и малого бизнеса и компенсировали тем самым снижение объема услуг массовых видов транспорта”.

Раньше такие приемы называли демагогией, и они считались неприличными. К тому же эта демагогия совсем уж наивная. Какой там “ряд территорий”! Вся Россия и есть, в их терминологии, “рудимент искусственной (социалистической) системы расселения и размещения производственных мощностей”. Что же ей теперь, через 20 лет рынка и демократии, – отказано в транспортном обслуживании? Приехали!

Но тут к демагогии примешана еще и ложка лжи. Деревня Ивантеевка где-то в Рязанской области стоит со времен Ильи Муромца и никаким “рудиментом искусственной социалистической системы расселения не является”. Зачем ее лишили автобусного сообщения с райцентром? И ведь одновременно ее лишили и колхоза, который в случае чего помог бы с транспортом. Вот справка Росстата (2009): “Число сельских населенных пунктов, обслуживаемых автобусами, в 2009 г. по сравнению с 2000 г. сократилось по Российской Федерации на 19,5 тыс. (на 24,9%). Число сельских автобусных маршрутов уменьшилось на 3,4 тыс. (на 22,8%), их протяженность – на 197,0 тыс. км (на 27,8%)”.

Этот способ удушения деревни стратеги “развития России” определяют как “объективно обусловленный процесс сжатия пространства, обслуживаемого массовыми видами транспорта – железнодорожным, авиационным, речным, автобусным”! Господа, это безумное определение, простите за откровенность. Ничего в этом “сжатии пространства” нет объективного – это результат сознательных политических решений конкретных лиц, и готовили эти решения коллеги В. Мау и Я. Кузьмина (а может быть, и они лично).

И какая примитивная, детская хитрость – утверждать, будто “транспортная самодостаточность значительной части домохозяйств и малого бизнеса” компенсировала лишение доступа к общественному транспорту домохозяйств, не купивших себе автомобиль. На что рассчитывают авторы этого доклада, – что люди уже на все махнули рукой?

Но давайте на момент встанем на точку зрения этих стратегов и допустим, что владельцы автомобилей и малый бизнес как раз и есть соль земли и “новая Россия”, а остальные граждане – рудименты. Они пожили в “социалистической системе расселения”, покатались на автобусе – и хватит. Что же говорит “Стратегия-2020” о хозяевах жизни, о нашем славном среднем классе? Чего ему ждать в ближайшем будущем?

Читаем в докладе: *“Латентное дотирование потребителей в форме искусственно заниженной цены владения автомобилем – одна из главных причин хронических заторов на улично-дорожной сети крупнейших городов и головных участках федеральных дорог... Во всех вариантах фискальная компонента в цене владения автомобилем должна вырасти в среднем на 20 тыс. рублей в год: в том числе в мегаполисах – на 45–50 тыс. рублей, в средних и малых городах – на 11–13 тыс. рублей”.*

Вот тебе раз. Автомобиль и мобильник – почти единственное, чем порадовала реформа продвинутую публику, а теперь предлагается увеличить “цену владения автомобилем”, следовательно, отрезать значительную часть уже и “среднего класса” от возможности пользоваться автомобилем. И это – при резком сокращении “услуг массовых видов транспорта”! Ученые экономисты установили, что сами автомобилисты виноваты в пробках (и, конечно, советская система). Профессура ВШЭ не утруждает себя изобретением новых мифов и поет старую песенку: “Потенциал автомобильных дорог и городских улиц, сооруженных в советскую эпоху, был рассчитан на уровень автомобилизации населения в 60 автомобилей на 1000 жителей; сегодня автомобилизация городов и регионов страны в 4–6 раз больше; накопленный ранее потенциал дорожной сети полностью исчерпан”.

Проклятые коммунаки – не построили им шоссе дорог на все времена. Вот он, оскал социализма!

В СССР потенциал автомобильных дорог увязывался с уровнем автомобилизации, это были элементы одной системы и развивались они совместно, по мере накопления ресурсов. Реформа разорвала эту связь. В РСФСР в 1990 г. было построено 12,8 тыс. км больших шоссе и 28 тыс. км местных,

а в 2009 г. – всего 2,5 тыс. км. Раскрутили автомобилизацию, а про дороги “забыли”? Пробки и разруха на дорогах – следствие безответственности проектантов реформы, а В. Мау и Я. Кузьминов представляют этот провал каким-то природным феноменом.

Что же советуют Правительству эти стратеги? Запустить руку в кошелек населения: “Повышение в 2012–2015 гг. акцизов на моторные топлива в размере не менее чем 7–8 рублей в расчете на 1 литр. Перспективная налоговая конструкция должна предусматривать, что “целевые дорожные деньги” (“road money”) должны составлять порядка 30% от розничной цены бензина... Повышенную цену за бензин придется платить немедленно. При этом, как показывает практика, реальное повышение цен на моторные топлива всегда будет заметно выше, чем номинальный прирост фискальной нагрузки, включенной в эти цены”.

Надо же, какое оригинальное решение. Рекомендации стратегов таковы: акцизы на бензин взвинтить и все дороги сделать платными – обязать всех установить в машине навигатор GPS и взимать плату согласно пробегу. В докладе есть такой пункт: “Вводится универсальный налог за километр пробега, дифференцированный в зависимости от категории и местонахождения дороги. Размер платежа определяется по результатам обработки GPS-трека автомобиля (наличие необходимого для этой цели бортового оборудования становится обязательным)”.

Представляете, во что превратится Россия согласно этой стратегии? Буйная фантазия авторов нередко выходит из берегов: “Будет снят вопрос о “платных” и “бесплатных” дорогах: дороги станут различаться только своими покิโลметровыми тарифами. Отпадет необходимость в каких-либо особых решениях для регулирования доступа в городские центры и экологически уязвимые зоны: достаточно будет дифференцировать покิโลметровый тариф по территории города/региона”.

Владимир Владимирович! Уймите своих стратегов, только, ради Бога, каким-нибудь гуманным способом! О чем они мечтают – проедет мужик полверсты на телеге по дороге своего региона, а из-под моста вылезает инспектор и требует показать трек GPS, а потом выписывает платежку в Европейский банк развития. Да еще с наценкой за экологически уязвимую зону (других-то у нас нет).

Соответственно, предлагается сделать платными все стоянки в городах – установить законом “обязанности автовладельца платить за использование территории муниципальных образований для хранения и паркования автомобиля”.

Все это в приложении к реальной “России-2020” выглядит нелепо. Тут нет проблемы “социализм-капитализм”, тут нет никакой вины либеральной философии, ЦРУ или Вашингтонского консенсуса. Тут наша общая национальная беда – интеллектуальную элиту наших энтузиастов-рыночников реформа как будто ударила пыльным мешком по голове. Перетрудились. Это тяжелый случай, и что-то надо делать. Может, травами какими-то или грязями...

Этот сюжет – маленький штрих в докладе. Можно сказать, самый безобидный. Но он совершенно типичный по установкам, по аргументам и по логике. Ведь если уж собрали целую армию лучших экспертов сочинять стратегию, от них требовалось прежде всего ответить на висящие в воздухе вопросы. Например, как получилось, что новая хозяйственная система (неважно, как ее называют) таит в себе механизм непрерывного и неудержимого **роста издержек**. Одной коррупцией это не объяснить.

Вот – раз уж заговорили о транспорте. Ежегодно растут тарифы на транспортные услуги, рост цены билета намного обгоняет рост зарплат, подвижной состав изношен, но пассажирский транспорт остается убыточным, как будто внутри этой системы какой-то зверь пожирает ресурсы. В Москве в 2011 г. билет на метро стоил уже 28 руб., но это покрывало, видимо, лишь около 70% стоимости поездки (в 2009 г. плата за проезд компенсировала 69% себестоимости). Издержки уже приблизилась к уровню западных столиц – при очень низкой, по их меркам, оплате наших работников транспорта, а конца росту цен не видно. И за двадцать лет реформы можно было убедиться, что это – фундаментальное свойство той хозяйственной системы, которая установилась в РФ. Раскрыть эту тайну – достойная задача для стратегов.

А эту стратегию, я надеюсь, Правительство не примет, до такого мы все же еще не сползли. Может, это такой прием придумали хитрые политтехнологи? Перед выборами подобные стратегии с возмущением отвергаются, и народ счастлив. Он и малому рад.